

ТЕРМИНЫ, ИСПОЛЬЗОВАВШИЕСЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГОСУДАРСТВО» в Великом княжестве Литовском в XIV–XVI вв.

Василий Воронин

Минск

Современные исследования в области гуманитарных наук уделяют немалое место изучению терминов, которые использовались для обозначения тех или иных явлений и фактов из жизни социума в его историческом прошлом. И особенно пристальное внимание привлекают термины, связанные с возникновением и функционированием важнейших институтов общественно-политической и государственной жизни. Так, например, политические науки, а также лингвистика уже давно и плодотворно изучают происхождение и историческое содержание понятия «государство». На этот счёт существуют солидные работы – причём применительно к разным европейским странам и языкам¹.

Задачей данной работы будет выяснение того, какие термины использовались для обозначения понятия «государство» в Великом княжестве Литовском. Как представляется, это даст возможность лучше понять пути формирования этого государства и его политической культуры. Случай Великого княжества Литовского интересен ещё и тем, что эта страна лежала на пограничье сразу нескольких национальных и европейских традиций и культур, испытав на протяжении своей истории влияние каждой из них.

Более или менее полную картину в этой сфере позволяют изобразить источники XIV–XVI вв. Правда, эти источники разнятся по своему происхождению и языку, что накладывает определённый отпечаток на методику изучения проблемы. Так, следует иметь в виду, что говоря о периоде, который предшествовал официальному крещению Литвы и зарождению в Великом княжестве Литовском собственного летописания, мы вынуждены опираться почти исключительно на тексты заграничного происхождения. Благом в данной ситуации является то, что этих источников не так уж мало, и преобладающая их часть относится к кругу «русской» культуры и «русского» языка, которые, как известно, имели широкое распространение и в

¹ Понятие государства в четырёх языках: Сборник статей. Санкт-Петербург, 2002.

самом Великом княжестве Литовском. А из этого, в свою очередь, следует, что термины, которые использовались в письменности Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, наверняка имели хождение также в «русских» (белорусских и украинских) землях Великого княжества Литовского.

Одним из первых терминов, которые в Великом княжестве использовали для обозначения понятия «государство», а возможно, что и самым первым, был термин «земля».

Так, повествуя о походе Ольгерда на Новгородчину в 1346 г., местный летописец отметил, что великий князь литовский пришёл туда «съ своею братею съ князи и со всею Литовскою землею»². В Симеоновской летописи, в связи с походом Витовта на Псковщину в 1426 г., отмечено: «съ нимъ была земля Литовская и Лятцкая»³. Исходя из приведённых цитат, можно было бы предположить, что этот термин использовался лишь на северо-западе и северо-востоке Руси. Однако это не так. Аналогичные примеры можно найти также в памятниках письменности Великого княжества Литовского: как повествовательных, так и документальных.

В известной летописной повести о гражданской войне 1430-х гг. в Великом княжестве Литовском, которая была создана, по всей видимости, в Смоленске, её автор обозначил причину отстранения великого князя Свидригайло от власти в 1432 г. кратким, но ёмким высказыванием: «И не управляше земли»⁴. Слово «земля» в данном случае можно понимать только как синоним понятию «государство». Именно государством, по мнению летописца, не сумел должным образом управлять Свидригайло.

Можно привести также ряд примеров из документального материала Великого княжества Литовского, где слово «земля», несомненно, равнозначно понятию «государство». Так, в подтвердительной грамоте Полоцку на магдебургское право Сигизмунда I Старого от 27 августа 1510 г. читаем: «А коли положимъ ордынщину на всю землю, ино з места Полоцького мають намъ дати ордынщину по-давному»⁵. Очевидно, что здесь под «землёй» также понимается государство – всё Великое княжество Литовское. В послании Сигизмунда II Августа крымскому хану Девлет-Гирею, где идёт речь о походе Ивана Грозного на Полоцк в 1563 г., отмечено, что русский царь выступил в этот поход, «праве со въсею землею своею собравъшися <...>»⁶

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). Москва–Ленинград, 1950, с. 358.

³ Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРА). Т. 18. Санкт-Петербург, 1913, с. 168.

⁴ ПСРА. Т. 35. Москва, 1980, с. 34, 57, 76, 106.

⁵ Полоцкие грамоты XIII–начала XVI вв. Вып. 3. Москва, 1980, с. 61.

⁶ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. Т. 1. Москва, 1843, с. 226.

В связи с рассматриваемой темой, думается, стоит специально остановиться на термине «Литовская земля». В XIV–XV вв. он активно использовался не только в летописании северо-запада и северо-востока Руси, но и в самом Великом княжестве Литовском. Исследователи уже обращали внимание на этот особый, по их мнению, термин, однако разные авторы предлагали разные интерпретации его содержания. В связи с этим приходит на память, например, старая дискуссия о «Литовской земле» и «Литве в узком смысле», которую в своё время вели Матвей Кузьмич Любавский и Оскар Халецкий, а позже эту проблему продолжали разрабатывать Генрих Ловмянский и другие специалисты.

Термин «Литовская земля» встречается в документах, которые были созданы в Великом княжестве Литовском уже в конце XIV в. Так, например, он упомянут в жалованной грамоте, которую Владислав-Ягайло издал 28 апреля 1387 г. для своего брата Скиргайло. И здесь термин «Литовская земля» использован как равноценный понятию «Литовское княжение»⁷.

Важный материал для понимания содержания термина «Литовская земля» содержат, в частности, общеземские привилеи 1432 и 1434 гг. В первом из них мы находим упоминание о русских князьях, боярах, шляхте и других жителях, которые фигурируют в документе как «подданные Литовской земли» (*terre Lithvanie subditi*)⁸. В другом говорится о законах той же «Литовской земли»⁹. Из самих цитат, а также из контекста видно, что термин «Литовская земля» имеет в упомянутых привилеях несомненную политическую окраску. А если учесть, что термин «земля» имел значение «государство», то понятие «Литовская земля» является попросту эквивалентом понятия «Литовское государство»¹⁰.

Понятие «Литовская земля» как синоним понятия «Литовское государство» очень отчётливо выступает в вассальных присягах новоосильского и одоевского князя Фёдора Казимиру Ягайловичу 1442 и 1459 гг.: «мне и моимъ детемъ служыти Литовьской земли <...>»¹¹ Эта же формула повторена в новой вассальной присяге воротынского, новосильского и одоевского князей Казимиру, которая датируется 1483 годом¹².

⁷ Полоцкие грамоты XIII–начала XVI вв. Вып. 1. Москва, 1977, с. 51.

⁸ Codex Epistolaris Saeculi Decimi Quinti. Т. 3. Cracoviae, 1894, p. 523.

⁹ Ibidem, p. 530.

¹⁰ В то же время в источниках – например, в том же общеземском привилее 1434 г. – встречается также выражение «земли наши Литвы и Руси» (*terras nostras Lithvanie et Russie*). В таком виде: во множественном числе и с добавлением Руси, – оно, по всей видимости, имеет этногеографический и, возможно, административный смысл.

¹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 1. Санкт-Петербург, 1846, с. 55, 77.

¹² Ibidem, p. 100.

Мы не будем специально вдаваться в упомянутую дискуссию о географическом содержании понятия «Литовская земля», но проведённый разбор фактов, думается, позволяет высказать следующий вывод. По крайней мере, в оговорённых выше случаях термин «Литовская земля» нельзя трактовать как территориально-географическое понятие, которое обозначает какой-то определённый регион Великого княжества Литовского. Этот термин выступает здесь как понятие государственно-политическое и обозначает Литовское государство в целом.

Термин «земля» для обозначения государства использовался ещё в древнерусском языке¹³. Та же картина наблюдается и в языке старопольском (*ziemia*)¹⁴. Вполне возможно, что эта смысловая связь имеет древнее общеславянское происхождение. Однако более ранний и более разнообразный материал относится всё-таки к русскому языку. В древнерусском летописании термин «земля» в значении «государство» достаточно часто использовался уже начиная с XII столетия. Так, в Новгородской первой летописи под 1111 г. читаем: «Иде Святопѣлкѣ, Володимирѣ, Давыдѣ и вся земля просто Русская на Половѣцѣ <...>»¹⁵. Характерно, что выражение: «и вся земля просто Русская» в соответствующем месте более древней «Повести временных лет» отсутствует¹⁶. По всей видимости, оно появилось лишь в новгородском летописании XII века. Похожий фрагмент мы находим в той Новгородской первой летописи под 1169 г.: «придоша подѣ Новѣгородѣ суждальци съ Андреевицемѣ, Романѣ и Мѣстислав съ смолянны и съ торопѣцны, муромѣ и рязанѣцѣ съ двема князьма, полоцьскыи князь съ полоцѣны, и вся земля просто Русьская»¹⁷. Примерно то же, но в сокращённом варианте, сказано об этих событиях в Псковской первой летописи: «Приидоша к Новгороду мужи суждальцы и вся земля Руская ратию <...>»¹⁸. В Ипатьевской

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Санкт-Петербург, 1893, стб. 972; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. Москва, 1978, с. 376.

¹⁴ Słownik Staropolski. T. XI, z. 5 (73). Kraków, 1999, s. 360.

¹⁵ НПЛ, с. 20.

¹⁶ Повесть временных лет. Ч. 1. Москва–Ленинград, 1950, с. 190. Кстати, сам заголовок этого знаменитого памятника древнерусского летописания содержит термин «земля». Причём он употреблён там дважды: «Се повести времянных летъ, откудасть естъ пошла Руская земля, кто въ Кіеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала естъ» (ibidem, p. 9). Первый взгляд на цитированный фрагмент создаёт впечатление малообъяснимого повтора, граничащего с тавтологией. В действительности же никакой тавтологии здесь нет, поскольку в первом случае под «Руской землёй» понимается страна (территория, населённая определённым народом, от которого она и получила своё название), а во втором – одноимённое государство.

¹⁷ НПЛ, с. 33.

¹⁸ Псковские летописи. Вып. 1. Москва–Ленинград, 1941, с. 10.

летописи под 1150 г. читаем: «Изяславъ же рече имъ: язъ вожоу оутры и все земли [вариант: вся земля], но не на свои люди, но кто ми ворогъ <...>»¹⁹

Как следует из приведённых цитат, на протяжении XII–XV вв. термин «земля» достаточно широко использовался для обозначения государства в летописании самых разных регионов Руси. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его активно использовали также в «русских» землях Великого княжества Литовского – в частности, в Смоленске, а также на общегосударственном уровне. Стоит также подчеркнуть, что во всех приведённых выдержках термин «земля» ни в коем случае не обозначает всего лишь территорию государства (страну), поскольку территория не может никуда идти походом.

Такую же связь между термином «земля» и дефиницией «государство» мы обнаруживаем и в других странах региона, где «русский» язык использовали в качестве официального. К их числу относится, в частности, Молдавия. Соответствующие примеры можно найти и в документах (международных договорах²⁰), и в летописях этого государства²¹. Так, молдавский воевода Роман в 1393 г. выдал свою присяжную грамоту королю Владиславу II Ягайло, королеве Ядвиге и Польской Короне «с приволениемъ оусей земле Волошьскоі»²².

В связи с этим, необходимо обратить внимание и на ещё один важный аспект рассматриваемой темы. Практически во всех цитированных летописных фрагментах XII–XIV вв., а также в некоторых других случаях, которые относятся к более позднему периоду, термин «земля» (как государство) теснейшим образом связан с понятием «люди». По-другому нельзя объяснить то обстоятельство, что «земля» идёт в военный поход. Конечно же, здесь идёт речь лишь об определённой группе людей – а именно о военнослужилом населении. Именно оно ходило в военные походы, именно оно олицетворяло институт государства и его военную мощь и именно оно в результате оформилось в шляхетское сословие, став «политическим народом» Великого княжества Литовского. Именно эти люди и были живыми носителями государственности. Интересно, что очень часто во главе «земли» летописцы персонально перечисляли князей – очевидно, потому, что им и принадлежало

¹⁹ ПСРА. Т. 2. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1908, стб. 410.

²⁰ Уляницкий В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. Москва, 1887 (далее – Уляницкий В. А. Материалы для истории...), с. 7, 12; АЗР. Т. 1, с. 60, 61.

²¹ Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. Москва, 1976, с. 55, 63, 68, 69.

²² Уляницкий В. А. Материалы для истории..., с. 7.

первенство в «земле-государстве». Князья были одновременно и полководцами, и главами соответствующих государственных образований.

Отметим, что достаточно близкие аналогии данной ситуации, которая очень хорошо прослеживается по русскоязычным письменным памятникам нашей части европейского континента, можно найти также в источниках стран Западной Европы, написанных на средневековой латыни. Так, слово «земля» (*terra*) могло обозначать там, среди прочего, феодальное княжество, а также группу зажиточных граждан определённого района²³.

В XV–XVI вв. термин «земля» нередко использовался в Великом княжестве Литовском для обобщённого обозначения шляхетского сословия. Например, великий князь литовский Александр в 1496 г. писал к своей матери, что перед смертью Казимир Ягеллончик «приказалъ и поручил Паномъ Раде Великого князства и всеи земли, абы мене, сына его милости, мели за пана у Великомъ князстве». Относительно же планов предоставления королевичу Сигизмунду удела в Великом княжестве Литовском Александр в том же письме высказался так: «<...> панове Рада и вся земля никакo не хотять того дозволити и допустити»²⁴.

В свете вышесказанного совершенно понятным и логичным выглядит происхождение термина, которым в Великом княжестве Литовском обозначали военнoслужилое население, – земянин, земянство. Этот термин пришёл в Княжество из Польши, где существовала соответствующая социальная группа (*ziemianin, ziemianstwo*). О польском происхождении термина свидетельствует уже сама его форма, которая происходит от польского слова *ziemia* (земля). Однако в документах XIV–начала XVI вв., написанных на «русском» языке в Великом княжестве Литовском, на украинских землях Польской Короны и в Молдавии, нередко встречается также форма «землянин»²⁵. Таким образом, для Великого княжества Литовского удаётся проследить чёткую этимологическую связь между понятием «государство» (земля) и военнoслужилым сословием – земянами-шляхтой. Но если русский термин «земля» для обозначения государства стал здесь использоваться ещё на очень раннем этапе, то для обозначения шляхетского сословия в более поздний период был принят уже польский языковой образец, который, однако, также иногда испытывал русское влияние.

²³ Niermeyer J. F. *Mediae Latinitatis Lexicon Minus*. Leiden, 1976, p. 1023.

²⁴ Lietuvos Metrika (1427–1506). Knyga Nr. 5. Užrašų knyga 5. Vilnius, 1993, p. 102.

²⁵ Грамоти XIV ст. Київ, 1974, с. 58; Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. Москва, 1897, с. 506; Уляницкий В. А. Материалы для истории..., с. 8, 9, 15, 16; Жемайтис С. Г. Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. Вып. 4. Санкт-Петербург, 1997, с. 221, 223.

В дополнение отметим, что в Польшу термин «земянин» пришёл, по всей видимости, из Чехии, где земанами (*zeman, zemané*) назывались представители низшего рыцарства (шляхты).

В рассматриваемой терминологии нашла своё яркое отражение и ещё одна черта, характерная для раннесредневековых государств Европы, которым стадially соответствовало Великое княжество Литовское в XIII–XIV вв. На том этапе развития государственная власть была властью не над территорией, а над людьми²⁶. Этот факт может быть прекрасно проиллюстрирован, к примеру, титулатурой Гедимины, который называл себя королём литовцев и русских (*letphanorum ruthenorumque rex*), а также королём литовцев и многих русских (*letwinorum et multorum ruthenorum rex*)²⁷. Сходную картину мы наблюдаем и в документах Ягайло, которые относятся к периоду 1377–1385 гг., то есть до крещения и до коронации польской королевской короной. Так, в знаменитом Кревском акте 14 августа 1385 г. он титуловал себя великим князем литовцев (*virtute Dei dux magnus Lithuanorum*). Во всех приведённых примерах очень чётко прослеживается желание монарха подчеркнуть власть не над страной, а именно над людьми.

Конечно, ситуация, когда людей называли землёй, сегодня выглядит довольно странно, однако сам этот факт вряд ли можно оспаривать.

Иногда для обозначения государства в Великом княжестве Литовском использовали термин «господарство»²⁸. Так, например, в 1493 г. послы великого князя литовского Александра говорили в Москве об одном из князей, перебежавших к Ивану III: «Ино тотъ князь ись стародавна нашъ слуга есть къ нашему осподарьству, къ Великому княжству Литовскому <...>»²⁹. В глейте, который тот же Александр в 1498 г. выдал молдавским послам, он называет Великое княжество Литовское «нашим господарством»³⁰. Термин «господарство» происходит от слова «господарь», которым называли великих князей литовских. Слово «господарь» относится к «русской» культурной традиции и было хорошо известно ещё в древнерусском языке в значении «хозяин, владелец». С XIV века оно стало использоваться как титул монарха³¹. По мнению Андраша Золтана, непосредственно от слова

²⁶ *Urbańczyk P.* Władza i polityka we wczesnym średniowieczu. Wrocław, 2008, s. 97.

²⁷ Послания Гедимины. Вильнюс, 1966, с. 23, 29, 37, 47, 51.

²⁸ *Zoltan A.* Polskie „państwo” a rosyjskie „gosudarstvo” // *Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska*. Nr 10. 1982, s. 112.

²⁹ Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 35. Санкт-Петербург, 1882, с. 104.

³⁰ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*. Knyga Nr. 5. Užrašymų knyga 5, p. 84.

³¹ Подробно об этом см.: *Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1. Москва, 2002, с. 554–561, 567–573.

«господарство» происходит русский термин «государство»³². Однако механизм влияния мог быть и иным. Представляется более правдоподобным, что русский термин «государство» произошёл от слова «государь» – по аналогии с тем, как в Великом княжестве Литовском термин «господарство» произошёл от слова «господарь». При этом происхождение русского слова «государь» пока остаётся невыясненным. Однако, судя по всему, оно появилось на северо-востоке Руси гораздо позже термина «господарь», который там также был хорошо известен³³.

Ещё одним термином, который использовался в Великом княжестве для обозначения понятия «государство», был термин «**держава**». Повествуя о войне Ягайло и Витовта с Немецким орденом в Пруссии, псковский летописец под 1410 г. записал: «Того же лета князь Витовтъ со всею своею державою и король ляцький со всею своею державою ходиша к Мариину городу, и бишася с пружькимъ местеромъ и с рижькимъ местеромъ и со всею их державою <...>»³⁴ Этот термин использовали и в самом Великом княжестве Литовском. Так, например, в областном привилее Полоцкой земле редакции 1511 г. Сигизмунд I декларировал: «Также есмо и мыта им отъпустили по въсеи нашої державе <...>»³⁵

Судя по всему, термин «держава» появился в Великом княжестве Литовском несколько позже термина «земля». Но, как и термин «земля», он был заимствован из лексикона древнерусского языка. Во всяком случае, хорошо известно, что в древнерусском языке слово «держава» часто обозначало именно «государство»³⁶. А вот в старопольском языке слово «держава» (*dzierzawa*), похоже, не имело такого значения. По крайней мере, академический словарь старопольского языка его не фиксирует³⁷.

Однако с течением времени польское языковое влияние на Великое княжество Литовское становилось всё более сильным и всё более заметным – параллельно с тем, как всё более сильным и всё более заметным становилось польское влияние государственно-политическое. Это отразилось в том числе на государственной терминологии.

Так, из польского языка для обозначения государства был заимствован термин «**панство**». Обычно он использовался в официальных документах,

³² Ibidem, p. 587–588.

³³ Ibidem, p. 573–581, 584–586.

³⁴ Псковские летописи. Вып. 1, с. 33; вып. 2. Москва, 1955, с. 118.

³⁵ Полоцкие грамоты XIII–начала XVI вв. Вып. 3, с. 90.

³⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1, стб. 773; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. Москва, 1977, с. 222.

³⁷ Słownik Staropolski. Т. II, z. 4 (10). Warszawa–Kraków, 1957, s. 303–304.

которые издавались от имени монарха, и поэтому часто сопровождался местоимением «нашо». В качестве важнейших из многочисленных примеров такого рода назовём заголовки и преамбулы ко всем трём Статутам Великого княжества Литовского. Так, заголовок Первого Статута начинается словами: «Права писанные, даны панству Великому Князьству Литовскому, Рускому, Жомойтскому и иных <...>»

В целом термин «панство» представляет взгляд на государство со стороны монарха и по своему значению близок к термину «владение» – великий князь литовский является господином на территории своего государства, его верховным властителем, буквально – владельцем. Это чётко прослеживается по латинскому термину *dominium*, от которого и произошёл польский термин «панство». Слово *dominium* теснее всего связано с такими понятиями, как собственность, власть, владение – как в буквальном (полное право собственности на какую-либо вещь), так и в более общем их значении (к примеру, владение имением на феодальном праве). В средневековой латыни слово *dominium* могло обозначать и территорию, находящуюся под властью короля или князя, а также государство³⁸.

Совсем другие смысловые коннотации имеет ещё один термин, который пришёл в Великое княжество Литовское из Польши и который также использовался здесь для обозначения государства. Это термин «**речь посполитая**» (от лат. *res publica*).

Пожалуй, впервые он прозвучал в документе великого князя литовского Александра от 9 января 1499 г., связанном с подготовкой очередной унии с Польшей. Среди прочего, там есть упоминание об «определённых делах наших и всей речи посполитой» (*certis negotiis nostris et totius reipublicae*)³⁹. Термин достаточно часто употреблялся и в дальнейшем, причём в важнейших политических актах. Так, например, он использован в общеземском привилее Сигизмунда I Старого, изданном 7 декабря 1506 г. В документе говорится о стремлении вновь избранного великого князя литовского действовать «для общей пользы речи посполитой и нашей» (*pro communi utilitate reipublicae ac nostra*)⁴⁰. Несложно заметить, что приведённые цитаты имеют много общего. Из них можно заключить, что в Великом княжестве Литовском на рубеже XV–XVI вв. уже чётко различали государственные интересы

³⁸ Słownik łaciny średniowiecznej w Polsce. T. III, z. 6 (24). Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1972, s. 836; *Sondel J.* Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków, 1997, s. 309.

³⁹ Akta unii Polski z Litwą 1385–1791. Kraków, 1932, s. 120.

⁴⁰ *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. 2-е изд. Москва, 1915. Приложения, с. 335.

монарха и интересы ещё одной важнейшей составляющей государства – шляхетского сословия. Именно шляхетское общество обозначено в приведённых фрагментах термином «речь посполитая» (*res publica*).

Можно привести и ещё несколько примеров того же рода. Так, в писарской присяге, составленной в Великом княжестве Литовском в 1522 г., было отмечено: «А если бых што слышал шкодливого господарского або речи посполитое, тогда маю об(ь)являти господару его милости або Паном Раде»⁴¹. Здесь, среди прочего, любопытно то, что в качестве представителей интересов шляхетской «речи посполитой» выступают Паны Рада. В ряде документов, относящихся к 10–20-м годам XVI в., встречается и выражение «речь посполитая земская»⁴². Оно также вполне определённо указывает на то, что существовала неразрывная связь между термином «речь посполитая» и именно шляхетским обществом – земянством.

В этом смысле очень красноречиво высказался Сигизмунд I в своём письме 1523/1524 года к Панам Раде Великого княжества: «мы тыхъ доходовъ нашихъ къ нашимъ рукамъ на свои потребы ничего не брали, кромъ посполитое речи земское»⁴³. Таким образом, в Великом княжестве Литовском есть как бы две ипостаси государства: «панство» монарха и «речь посполитая» шляхетского общества. Есть финансовые средства, которые идут на нужды монарха, и есть средства, которые идут на нужды всего шляхетского сообщества. Добавим, что дело, конечно же, не ограничивалось лишь распределением денег. Очевидно, что подобное разделение существовало и в других областях.

Из приведённых примеров следует, что в Великом княжестве Литовском, по образцу Польши, термин «речь посполитая» (в значении «государство») обычно использовался для того, чтобы подчеркнуть, что государство является общей, общественной заботой, а не делом одного только монарха. Думается, можно говорить даже о том, что термины «панство» и «речь посполитая» были в некотором смысле антитезисами. Если первый из них обозначал государство как владение (*dominium*, то есть буквально «собственность») монарха, то второй – как «общее дело» всего общества, под которым понималась, конечно же, сословие шляхты.

Известный польский политический мыслитель XVI в. Анджей Фрыч Моджевский в своём знаменитом трактате «Об исправлении государства» (1551), определяя ключевые термины, прямо заявил, что понимает под ре-

⁴¹ Lietuvos Metrika (1522–1530). 4-oji Teismų bylų knyga. Vilnius, 1997, p. 59.

⁴² Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1, с. 506, 508, 517.

⁴³ Ibidem, p. 517.

чью посполитой именно сообщество граждан: *haec civilis communitio, quam republicam nominamus*⁴⁴. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что авторы той эпохи обычно ещё не противопоставляли понятия «республика» и «монархия», и эти термины совсем не противоречили друг другу. Первым их противопоставил, пожалуй, только Никколо Макьявелли в своём знаменитом трактате «Государь», который был написан около 1513 г., а опубликован в 1532 г.⁴⁵ Однако его точка зрения утвердилась далеко не сразу. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, труды ещё одного знаменитого политического мыслителя XVI в. – Жана Бодена, который жил на столетия позже Макьявелли. Боден весьма красноречиво назвал свой известнейший политический трактат *Les six livres de la République* (1576), название которого чаще всего переводят как «Шесть книг о республике». Однако это произведение отнюдь не восхваляло республиканскую форму правления, как можно было бы заключить из такого перевода заголовка. Как раз наоборот – трактат был настоящей апологетикой сильной королевской власти. Вообще же, по мнению специалистов, название этого знаменитого произведения Жана Бодена вполне может быть переведено как «Шесть книг о государстве»⁴⁶, и именно такой перевод представляется наиболее корректным.

В заключение отметим, что отождествление употреблявшегося в средневековых текстах термина „*res publica*“ с понятием «государство» является вполне обычным и практически общепринятым в новейшей медиевистике. Именно такой позиции придерживался, например, Эрнст Канторович⁴⁷. Один из разделов своего знаменитого исследования о двух телах короля он назвал *Corpus Reipublicae mysticum*, явно подразумевая под термином *res publica* именно государство.

В государственной терминологии Великого княжества Литовского нашли своё яркое отражение те цивилизационные влияния, которые оно испытало на протяжении своей истории. В ней также отчётливо проявилась эволюция политического строя и политической культуры этого государства. В XIII–XIV вв., на начальном этапе существования Великого княжества, более сильными были позиции «русского» языка и «русской» культуры.

⁴⁴ *Modrevius Andreas Fricius. Opera Omnia. Vol. 1: Commentariorum de Republica Emendanda libri quinque. Varsoviae, 1953, p. 30.*

⁴⁵ *Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. Москва, 1997, с. 41.*

⁴⁶ *Кола Д. Политическая семантика „Etat“ и „état“ во французском языке // Понятие государства в четырёх языках: Сборник статей, с. 84–85.*

⁴⁷ *Kantorowicz E. H. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology. Princeton, 1957, p. 207, 208, 211, 214.*

Однако после Кревского соглашения 1385 г. положение дел стало меняться, и к середине XVI в. государственная терминология, пришедшая из Польши, уже, пожалуй, преобладала. Причиной тому было не только само по себе усиление польского влияния на Великое княжество Литовское, но и бóльшая определённости, бóльшая точность заимствованных из польского языка терминов. К примеру, исторические словари русского языка фиксируют не менее десяти значений слова «земля»⁴⁸. Однако и сама Польша выступила в этих процессах, скорее, в качестве проводника западноевропейских влияний, ведь аналогичные по этимологии и смысловой нагрузке термины были хорошо известны и в других странах Западной и Центральной Европы. Следует также помнить, что свой вклад в теоретическую разработку этих понятий внесли мыслители многих европейских стран. Да и сами термины, которые пришли в Великое княжество из Польши, в конечном итоге были почерпнуты из общеевропейского языка той эпохи – латыни, и восходят ещё к античной традиции.

TERMINAI, ĮVARDIJĘ VALSTYBĖS SĄVOKĄ LIETUVOS DIDŽIOJOJE KUNIGAİKŠTYSTĖJE XIV–XVI AMŽIUJE

Vasil Varonin

Santrauka

Straipsnis skirtas terminų, kuriais Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje buvo įvardijama valstybė, kilmei ir funkcionavimui tirti. Ankstyvajame Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės egzistavimo laikotarpyje (XIII–XIV a.) pastebima kur kas stipresnė rytų slavų kalbos ir politinės bei kultūrinės tradicijos įtaka. Būtent šiam laikotarpiui priskirtini tokie valstybę apibūdinantys terminai kaip „земля“, „господарство“, „державна“. Tačiau XIV a. pabaigoje sustiprėjo lenkų kalbos ir tradicijos įtaka, todėl valstybę apibūdinama terminais „панство“ ir „речь посполитая“. Būtent jų vartoseną prigijo ir ypač paplito nuo XVI a. vidurio. Tačiau ir Lenkijai šiame procese teko greičiau tarpininkės vaidmuo, perduodant Vakarų Europos įtaką, nes etimologiškai analogiški terminai vartoti ir kitose Vakarų ir Vidurio Europos valstybėse. Terminuose, kuriais įvardijama valstybė Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje, atsispindi ne tik valstybės patirtos kalbinės ir kultūrinės įtakos, bet ir jos pačios politinės sistemos ir politinės kultūros evoliucija.

⁴⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5, с. 375–377; см. также: Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 12. Мінск, 1993, с. 212–217.